

Николай Герасимович Помяловский

Поречане

Николай Помяловский

Поречане

«Public Domain»

1863

Помяловский Н. Г.

Поречане / Н. Г. Помяловский — «Public Domain», 1863

«...На берегу реки Озерной раскинуты два большие поселения, составляющие предместье огромного и богатого города, – Большая Поречна и Малая Поречна. Они разделяются между собою речкою Чернавкой. При впадении Чернавки в Озерную стоит казенная верфь. Действие нашего рассказа происходит в Малой Поречне...»

Содержание

I. Дивный уголок земли	5
II. Бабу надо	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Герасимович Помяловский

Поречане

І. Дивный уголок земли

На берегу реки Озерной раскинуты два большие поселения, составляющие предместье огромного и богатого города, – Большая Поречна и Малая Поречна. Они разделяются между собою речкою Чернавкой. При впадении Чернавки в Озерную стоит казенная верфь.

Действие нашего рассказа происходит в Малой Поречне.

Малая Поречна не город, не деревня, не посад. Организация этого селения оригинальна. Обе Поречны основаны Петром І. Он построил при Озерной верфь; для верфи понадобились работники; Петр и выписал из Новгородской, Тверской и Олонецкой губерний разного рода вольных людей, в числе трех сотен, из которых поселил две в Большой Поречне, а одну в Малой. Поколение за поколением, от этих колонистов разрослось население поречан до четырех тысяч. Они должны были работать на царя топором, пилою и долотом на казенной верфи треть года, а остальные две трети могли заниматься чем угодно.

Поречну мы назвали предместием города, но она в то же время составляла квартал города, имела полицейского офицера, городского, хожалых и бутарей. Составляя часть города, она, казалось, должна была подчиняться всем учреждениям и законам городским; но на деле было не так. За то, что поречане для верфи бросили родину, прикрепились к ней, подчинились морскому ведомству, не могли приписаться ни к мещанству, ни к купечеству, они получили многие льготы и привилегии: им даны были свое правление, суд и расправа, свои общественные суммы, не подлежащие ведению Думы; поречане были освобождены от податей, солдатчины и других повинностей; они сами заботились о своей церкви, школе, дорогах и т. п.; наконец, наделены были землями, взамен тех, которые оставили для верфи. Вследствие такой конституции, данной поречанам, они, отстаивая свою вольность, всегда воевали с полицией и достигли того, что она не имела для них никакого значения.

При таком самоуправлении, поречане, по натуре своей, были народ своенравного закала. Вы и теперь встретите в Поречне осьмиконечные кресты, врезанные в ворота домов, – знак того, что в ней немало староверов, а в старые годы почти все население Поречны состояло из раскольников беспоповщинской секты. Несколько лет тому назад разрушена их молельня; кладбище, на котором покоились родные их и земляки, было разметано; могильный камень, дерево, железо и бронза были расхищены, самая молельня обращена в православную церковь. Впрочем, в то время большинство поречан были православными, и потому оскорбление пало на меньшую часть их. Но тем не менее, в существе дела, в натуре своей, поречане все были раскольники; традиция прежних нравов сохранилась в полной силе в их быту. Поречане наследовали от отцов и дедов независимость и упорство в своих понятиях и жизни, которые еще более развились под влиянием привилегий, данных от Петра.

Самый род занятий, работы, которыми промышляли поречане, должны были вносить в их быт развивающие элементы. Они были столярами, плотниками, токарями, резчиками, позолотчиками. Всякая работа влияет на характер человека: сапожник и портной от сидячей жизни пьянствуют; никто на Руси так не лается, как бурлаки, потому что их работа невыносимо тяжела; мясники – все народ краснощекий и здоровый, потому что постоянно дышат испарениями свежего мяса и едят свежее мясо; рыбаки – люди кроткие, потому что живут среди природы, – недаром Христос из среды их выбрал своих апостолов, и т. д. То же самое было и с поречанами: род занятий влиял на их нравы; особенно токарное и резчицкое дело, которые составляют как бы переходную ступень от ремесла к искусству, стоят в середине между ними,

требовали некоторой развитости и изящного вкуса, понимания симметрии, изобретательности рисунка, знания пород и доброт разного вида деревьев; при них употребляются циркуль, транс-портир, винты, винкель, стропило, ватерпас и множество других инструментов и приборов, требующих для обращения с ними некоторой образованности и развитости; необходимо было уметь считать и чертить, – а это без грамоты и письма почти невозможно. Словом, их занятия требовали научных сведений, хотя и не очень больших. Вот почему в Поречне есть школа, и вот почему обыватели ее большею частию народ грамотный; скажем более: некоторые поречане выписывали газеты, даже журналы и покупали книги; правда, такие лица составляли исключение, но все-таки они были. Деда поречан – раскольники, а среди раскольников, как известно, много людей грамотных; поэтому-то грамотность, по преданию, вошла в обычай у поречан; если кто не читал современных изданий, то держал в доме какую-нибудь старинную книгу, рукопись, Библию, а зажиточные даже Четвы-Минею – издание очень дорогое. Все это более или менее должно было цивилизовать поречан.

Быт женщин в Поречне тоже отличался характерными особенностями. Происходя от бес-поповцев, у которых мужчина и женщина совокуплялись, без брака церковного, поречанки развили и воспитали в себе широко-свободные отношения к мужчинам. Поречанка, прежде нежели вступала в супружество, *женихалась* со своим суженым год, два и даже более. Не только посторонние, но и родители редко обращали на то внимание; случалось даже так, что отец и мать ужинают, а дочь их за порогом совершает с своим *душкой* – если не эмансипацию, то... как бы сказать?... ну, *сипондряцию*, что ли, как выражается один мой знакомый. После такой, нередко трехлетней сипондряции и женихавшиеся почти никогда не изменяли друг другу. Незаконное дитя, следствие жениханья, не стесняло никого: оно, как и законное, делалось прикрепленным к верфи поречаньяном или поречанкою и приобретало права детей, рожденных в церковном браке. Но, господа, любящие клубничку, помните, крепко помните, что свобода нравов допускалась только между поречанами; пришлые из города не пользовались удобствами местной эмансипации: если из них кто обнаруживал поползновение на поречанку, то дорого платился за это. Так, один богатый купчик стал ухаживать за хорошенькой поречанкой; его избили до скоротечной чахотки, и последовало отдание души его, куда следует. Равным образом, одна довольно крупного чина особа изволила посягнуть на поречанку; эту крупного чина особу до жестокого возбуждения и чувствительности кожи отодрали жгучею крапивой, говоря: "это значит – мы сеем *крапивное семя*". Подобных историй, устраиваемых поречанским амуром, было немало... Что же это значит?... Откуда эта свобода для себя и стеснение для посторонних?... – "Нам самим баб надо!" – говорили поречане... И в самом деле, где же взять их, если поречанки будут изменять местному амур?... Ведь очень редко не поречанка пойдет за прикрепленного к верфи. Вот почему поречанка, свободная дома, на стороне стеснялась строгим контролем. Но только в этом поречанки и были стеснены; в других отношениях они были женщины вполне самостоятельные. Их сила заключалась в том, что они, не походя на наших барышень, для которых отец должен заготавливать деньги в виде приданого для их замужнего существования, были независимы в материальном отношении. В Поречне муж редко заботился о прокормлении своей жены – она сама кормила себя, а иногда мужа и детей. Поречанки торговали в городе молочными скопами и добывали денег никак не менее своих мужьев и братьев. Скажут, что при нашем общественном строе это ничего не значит: муж всегда может отобрать от жены добытые ею деньги. Может. Но, с одной стороны, поречане в долгий период жениханья, предшествовавший свадьбе, имели возможность коротко узнать друг друга, вследствие чего меньше было шансов для несчастных браков; а с другой стороны, поречанки имели довольно крепкие мышцы: они носили в город на коромыслах молоко и сливки в жестяных кувшинах мерою в два и три ведра, делая поход верст в двадцать и более, – это развивало их мышцы; наконец, поречанки, по общей слабости женщин – перемывать кости ближнего, любили во время похода болтать; грохот экипажей по мостовой города заглушал их голоса, они должны были сильно

напрягать легкие, – оттого легкие развивались, и вот почему поречанки были народ грудастый и горластый; они в спорах с мужчинами употребляли в дело грудные мехи, от которых зависела немалая доля их успеха. Итак, нравственная сила, денежная сила, мышечная сила и гортанная сила должны были создать тип поречанки. Человека, из которого должен выйти дурной муж, поречанка, если она не дура, разгадать может во время жениханья и бросить его; если ошибется – пойдет замуж, а муж станет куражиться, она спрячет от него свои деньги; станет муж драться, она сдачи даст; муж окажется сильнее, она заревет во всю свою здоровенную грудь, так что по крайней мере половина Поречны узнает, кто бьет, кого бьет и за что бьет; а вырвавшись из рук сожителя, она, выбежав на улицу, опозорит его на весь мир божий. Случалось и так: муж попадался бесталаный и притом слабосильный; тогда главою семейства становилась женщина: она кормила, поила и одевала семью, заправляла хозяйством, воспитанием детей, а супруг занимал то положение, которое обыкновенно, в большей части случаев, занимает у нас жена по отношению к мужу. Вообще в Поречне женщина не могла быть подавлена мужским деспотизмом.

Итак, в Поречне процветало самоуправление, вольный дух, образованность, эмансипация женских прав... Не правда ли, что дивное местечко, славный уголок земли?.. Но, читатель, не увлекайтесь. С поверхностного, птичьего полета Поречна была прекрасна, но взглянем поближе на нее, и на первый раз взглянем хоть на внешний вид Поречны.

Малая Поречна имеет довольно красивую кладбищенскую церковь, которая разделяет ее на два края или конца, имеет правление, школу, ресторацию "Магнит", виноторговлю, два кабака, восемь мелочных лавок (мясных и булочных нет). В ней только три каменных дома, остальные – все деревянные, и среди деревянных не более десятка двухэтажных. Почти четвертая часть домов представляет собою вид печальный: это черные, гнилые, рассевшиеся на-двое и на-трое избушки, вросшие в землю, и у тех избушек прогнили крыши, покачнулись стены, отчего и подперты они досками и колыями; перекосившиеся окна нередко заклеены бумагою или тряпицею, а не то и просто заткнуты мужицким армяком или бабьим капотом. Левый край Малой Поречны вымощен булыжником, но было бы гораздо лучше для обывателей, когда бы совсем не существовало у них мощеного проспекта, который никогда не ремонтировался и был изъязвлен рытвинами, ухабами, буераками и разного рода чертоплешинами. Посреди проспекта Малой Поречны положены досчатые мостки, страшно исковерканные и испещренные прорехами и неуклюжими заплатами; дыры и заплаты ломали ноги трезвому и пьяному люду пореченскому. В Малой Поречне почти нет садов; обильная зелень только и встречается на кладбище, которое вследствие того служит для обывателей публичным садом. Некогда же селение было окружено дремучими лесами, переполненными сосною и елью, березняком, осиною и рябиной, в них попадались дуб и клен; но леса давно вырублены верст на двадцать кругом во все стороны – дерево пошло на топливо, постройки и поделки разного рода, даже корни вырыты из земли и сожжены в печах поречёнских. Теперь сзади селения лежат необъятные для взора сенокосы, а спереди течет широкая, быстрая, светловодная красавица, река Озерная.

Таков общий вид Поречны. Отчего же он, несмотря на самоуправление, вольный дух, образованность и эмансипацию, так печален? А вот разберем, каковы в ней были самоуправление, вольный дух, образованность и эмансипация женских прав: тогда и увидим, в чем дело.

II. Бабу надо

Иван Семеныч Огородников, пореченский селянин, столярный мастер, был здоровеннейший парень лет двадцати четырех, красавец собой, курчавый, широкоплечий, крепко-грудый и первый силач на Поречне. Он, несмотря на видимую доброту своего сердца, был, как увидим, мошенник на правую руку и на левую руку.

Иван Семеныч зимним вечером сидел в своей неприглядной, маленькой мастерской, которую рассматривал с полным отвращением. Взглянул он на верстак, на оструганную доску, на опилки под верстаком, на сальный огарок на нем, – и на все это плюнул со злостью...

– Чего же я злюсь? – спросил он себя.

– Не знаю, – ответил он сам себе.

Иван Семеныч стал снова озирать свое жилище.

"Какое у меня, – думал он: – значит есть богатство и украшение в комнате?.. Посмотрим... В углу образ божией матери, но ведь без всякого оклада... Под ней Георгий победоносец... да что в нем *плезуру*? сам-то Георгий давным-давно слинял, и осталась от него одна лошадь да ноги самого..."

Иван Семеныч плюнул.

– Посмотрим, что еще у нас?.. Это что? – спросил он, глядя на маленькую, в полвершка величиною картинку, прикрытую стеклышком.

– Это что?

– Ах, ты леший, – отвечал он: – ведь это с табачной бандероли вырезанная цифра "2"...

– Ты зачем здесь?.. вон!

Иван Семеныч сорвал со стены цифру и растоптал ногами приклеенное к ней стекло.

– Что далее? – говорил он... – А!.. портрет генерала... Но отчего ему рожу перекосило?.. Разве такие бывают генералы? Разве у генералов бывают вместо щек титьки?.. Разве генералы имеют кривой нос?.. А зачем глаза его смотрят – один в Москву, другой в Питер?.. К чему рисуют такие святочные хари?.. Будто это генерал?.. Подожди, я доберусь до тебя, – сказал он, погрозив генералу кулаком... – Господи, как мне скучно, как тяжело! – заключил Иван Семеныч. – Отчего же это?

Иван Семеныч стал ходить по комнате, отыскивая в ней по углам и под лавками причину своей скуки, и нигде не отыскал ее.

– Чорт знает, что такое!.. – проговорил он: – кажется, я человек работающий... дело свое справляю, значит, как следует, в храм божий хожу... по праздникам попов принимаю... царю я слуга верный... человек я образованный... я сыт, обут, одет... девчонки на меня зарятся... Чего еще недостает мне?.. А чорт с ней и со скукой!.. Дай, поработаю!

Иван Семеныч ввинтил доску в верстак и начал стругать ее. Но это мало развлекло его. Он со злостью бросил на пол струг и стал чесать рыжую овчину на своей голове.

– Лягу же спать, чорт их дери!

Полез он на печь, но не спится ему... После долгого поворачивания с боку на бок, он проговорил:

– Нет же, стану работать!

Он взял в руки долото и стал долбить им доску. Но вдруг бешенство напало на него...

– Тяжко, тяжело! – шептал он, всаживая долото в дерево...

В это время перед ним, при мерцающем свете сального огарка, на закоптелой и покрытой тараканами стене вырезалась картина генерала.

– Чего ты смотришь на меня? – закричал Иван Семеныч генералу грозно.

При дрожащем свете огарка генерал мигнул – одним глазом в Москву, другим в Питер.

– Молчи, чорт! – кричал наш герой. Генерал, разумеется, ни слова.

– Поговори ты у меня!

Генерал не говорит. Но у Ивана Семеныча, вероятно, было очень сильное воображение, доводящее его и в трезвом виде до галлюцинаций. При напряженном состоянии нервов ему слышалось что-то.

– Чего ж тебе надобно? – вопил он. Генерал опять мигнул в Москву и в Питер...

– Хорошо же!

Иван Семеныч всадил долото в лоб генерала.

– Я тебе и брюхо распорю.

Распорол.

– Я тебя совсем задушу!

Иван Семеныч сорвал невинную картину, бросил ее на пол и стал топтать ее своими крепкими ступнями. Но вдруг на него нашло раздумье.

– Что я делаю?.. Что я делаю?.. к чему это?.. Что это со мной? Боже мой, боже мой!..

Он стал шагать по комнате, снова осмотрел ее всю и потом остановился среди бедной хаты. В ту минуту он походил на египтянина, которому сфинкс задал неразрешимую загадку. В чем же состояла эта загадка? В вопросе: "что мне надо?" Вся фигура Ивана Семеныча выражала темную грусть. Он никак не мог поймать за хвост ту причину, которая породила его грусть. Лицо его снова побагровело злостью, кровь бросилась в голову, зубы стиснулись, кулак сжался; но потом неожиданно лицо осветилось чем-то вроде небесной радуги.

– Кажется, так? – спросил он, ударив себя ладонью по лбу.

Он совсем просветлел.

– Да! – крепко ударил Иван Семеныч словом "да".

Не узнать его теперь: светел стал он, ясен, радужен, похож на сторублевую ассигнацию. Но потом на него напало сомнение, и, подперев пальцем нос, он спросил:

– Будто?

Опять грустью подернулось лицо.

– Именно так!.. Да!.. знаю, что мне надо!.. Что?.. бабу надо... Эх, кабы Груньку!..

Иван Семеныч стал одеваться. Оделся и пошел на улицу искать себе бабу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.